

Телесмотритель
Евгений Охотников

МАРИНА СЕРОВА

Господин
легкого
поведения

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Господин легкого поведения

«Научная книга»

Серова М. С.

Господин легкого поведения / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

Глава комбината «Молочные реки» господин Кравцов после убийства своего помощника и недвусмысленного послания на воротах дома «Готовься сдохнуть!» нанимает профессионального телохранителя Евгению Охотникову. Здравая мысль обратиться за помощью к детективу Кравцову, видно, в голову не приходит, а может, просто скупердяйничает. Впрочем, Жене не впервой совмещать обязанности сыщика и бодигарда. Также ее не смущает и временная роль заместителя генерального директора огромного предприятия. Ведь только так можно вычислить преступника, знающего все ходы и выходы на «Молочных реках»...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Серова

Господин легкого поведения

Глава 1

Дневной свет не проникал в это царство грохота, порохового дыма и свистящего свинца. Лишь ровное искусственное освещение, меняющееся по желанию клиента в зависимости от режима стрельбы. Патроны один за другим легли в гнезда магазина револьвера, я со щелчком вставила барабан на место и, быстро прицелившись, произвела шесть выстрелов по мишени, изображавшей противника, – точно в цель. Руки и ноги мишени были поражены так, что, будь это человек, он бы полностью потерял способность двигаться, но тем не менее остался бы жив, ведь я профессиональный телохранитель высокого класса. Как говорил один знакомый инструктор во время моей стажировки в Федеральной службе охраны после окончания Ворошиловки: «Телохранитель – это человек, умеющий мыслить, а не палить в кого попало. Если дело доходит до стрельбы, такого „личника“ нужно гнать к чертовой матери». Мне вспомнилась служба в специальном разведподразделении КГБ «Сигма», и я в очередной раз порадовалась, что успела выскользнуть из всего этого, пока обратный ход для меня еще был возможен. Во сто крат лучше работать самой на себя, чем выполнять приказы, в правильности которых ты сильно сомневаешься. Моя частная практика – это то, что надо для такого деятельного человека, как я, – вполне хватает адреналина и приносит неплохой доход. Перезарядив револьвер, я сосредоточилась на трех круглых мишенях. Я дала себе установку, чтобы на первой мишени попасть в шестерку и восьмерку в правом верхнем секторе и семерку в левом нижнем, чтобы пули легли на одной линии; на второй мишени в противоположных секторах выбить девятку и шестерку, а на третьей попасть в цифру семь, отпечатанную на бумаге в нижней половине мишени. С задачей я справилась на «отлично», но это не принесло мне ожидаемого удовлетворения. Днем раньше я отказала в охране владельцу клуба «Осьминог» по этическим соображениям, сославшись на загруженность работой. Но на самом деле никакой загруженности не было, и эта мысль не давала мне покоя. Владелец «Осьминога», известный в криминальном мире Тарасова авторитет по кличке Белаз, сулил мне большие деньги за работу, но сразу предупредил, что сначала придется разобраться с несколькими оборзевшими, а такие дела не для меня. В деньгах я пока не нуждалась, только энергия, скопившаяся внутри, искала выхода. От этого не спасали ни ежедневные тренировки в спортзале, ни утренний десятикилометровый кросс, ни даже интрижка с тренером по карате из спортклуба «Сенсей». Хотелось настоящего дела, где можно приложить все свое умение, знания и интеллект.

Тетя Мила, у которой я поселилась, переехав в Тарасов из родного Владивостока после смерти матери и повторного брака отца, была куда как категорична в высказываниях по поводу моих скитаний по квартире в перерывах между тренировками и новинками голливудских блокбастеров, еще не вышедших на широкие экраны, но уже пополнивших мою коллекцию.

– Замуж и дети, минимум двое, – заявляла она с серьезным видом, – и на всякие метания у тебя времени не останется, – на что я неизменно отвечала, что мне всего лишь двадцать семь и я пока не готова для подобной авантюры. – Потом будет слишком поздно, – грозила мне тетя.

Было понятно, что она искренне желает мне счастья. В моем лице тетя Мила обрела дочь, которой у нее никогда не было, поэтому она старалась вовсю устроить мою личную жизнь.

Я резко обернулась на осторожное прикосновение к моему плечу. Это был один из посетителей тира, внимательно наблюдавший за мной последние полчаса. Приземистый, с брюшком, где-то лет за тридцать, зачесанные назад сальные волосы средней длины, небритый – в целом он производил отталкивающее впечатление. Я сняла наушники, чтобы выслушать,

что мне скажет незнакомец. Представившись Егором, он, глядя на меня масленными глазками, похвалил за отменную стрельбу.

– Ну что вы, прямо в краску вогнали, – с деланным смущением ответила я, – не так уж я и хорошо стреляю, как вы говорите. Насколько я знаю, надо попадать в центр мишени, а у меня пока не получается.

– Вам просто нужен хороший учитель, – радостно разулыбался Егор. – Раньше я работал в ФСБ и по части огневой подготовки любому фору дам. Если вам это что-то говорит, то я опустошаю обойму «макарова» за две с половиной секунды.

Я с трудом сдержала улыбку, думая про свои одну и две десятых секунды этого же норматива. Егор воспринял мое молчание как колебание и присовокупил убийственный аргумент:

– Я готов учить вас бесплатно и даже по вечерам.

Я красноречиво посмотрела на обручальное кольцо на его руке. Перехватив мой взгляд, он кинулся объяснять, что разведен, а кольцо просторосло ему в палец. Я жестом остановила его:

– Извините, но у меня нет на это времени.

– Зря. Вы, наверно, работаете в милиции или прокуратуре, – не унимался Егор.

– Нет, я учительница английского в школе, – резко ответила я, – знаете, какие сейчас детишки пошли? Так что сами понимаете, точность стрельбы мне ни к чему. Достаточно пальнуть поверх голов – и в классе тишина.

– Ладно, я все понял, – погрузился Егор и, повернувшись, зашагал к своему месту. Остановившись у барьера, он надел наушники и, как в кино, резко выхватил из кобуры под мышкой бельгийский девятимиллиметровый «браунинг» и выпустил по мишени все тринадцать патронов, целясь исключительно в область сердца и голову фанерной мишени. Я отметила, что для обычного оперативного работника он стреляет неплохо.

Зазвонил мой сотовый. Я ответила на звонок.

– Евгения Максимовна Охотникова, если не ошибаюсь? – вежливо спросил мужской голос.

– Не ошибаетесь, так как звоните по номеру моего сотового, – ответила я, внутренне вся подбираясь, готовая к чему угодно.

– Вас беспокоит Кравцов Аркадий Никифорович, директор Тарасовского молочного комбината «Молочные реки», – со значением произнес собеседник.

– Знаю ваши «Молочные реки», – поддакнула я, – регулярно покупаю ваше молоко. И так, слушаю вас внимательно.

– У нас на комбинате возникли некоторые проблемы, – нехотя начал Кравцов. – Это не телефонный разговор. Нам надо встретиться.

– Сразу предупреждаю вас, что я профессиональный телохранитель и ничем другим не занимаюсь, – сказала я спокойно и сурово, чтобы отбить у клиента всякую охоту навязать мне всякие дополнительные обязанности. – Я лишь охраняю жизнь своего подопечного, конкурентов я не устранию. Я также не стряпаю, не бегаю по магазинам. Кроме того, берусь только за действительно серьезные дела. Если вы хотите нанять меня для престижа, то поищите кого-нибудь другого.

– Дело серьезнее некуда, – заверил меня Кравцов. – Расстреляли финансового директора моего предприятия, и у меня есть основания полагать, что я могу быть следующим. Люди моего положения в бизнесе постоянно подвергаются нападкам со стороны криминала и конкурентов. Проанализировав сложившуюся ситуацию, я понял, что мне не обойтись без телохранителя.

– Ясно, я слышала об этой истории в новостях, – вспомнила я сюжет из «Вестей Тарасова», – там, кажется, еще и охранника убили.

– Водителя, в новостях ошиблись, – поправил меня Кравцов. – Не могли бы вы вечером заехать прямо ко мне домой? Жена приготовит ужин, и мы сможем обсудить все в спокойной обстановке.

Я на секунду задумалась. Странно, что клиент назначает встречу не в ресторане или каком-нибудь другом людном месте, а тащит малознакомого человека к себе в дом. Не ловушка ли это?

– В принципе неплохая мысль, но есть один маленький вопрос, – сказала я осторожно. – Кто вам посоветовал обратиться ко мне?

– Феофанов, архитектор, – ответил Кравцов. – Мы с ним недавно разговорились, и он рассказал, как вы решили его проблемы.

Я отлично помнила Феофанова и его дело, но спокойствия мне это не прибавило. Архитектор – мошенник, каких на свете не сыщешь, был готов продать родную мать, не то что меня.

– Предлагаю встретиться на нейтральной территории, например, в каком-нибудь ресторане, – сказала я, перебирая в уме названия ресторанов. – Что думаете о «Русском стиле» в центре?

– Нет, я лучше сразу приставлю дуло пистолета себе к голове и выстрелю, – проворчал Кравцов. – Там собираются все бандиты. Те, кто хочет меня порешить, будут ждать меня именно там. – В голосе Кравцова явно проступали нотки паники.

– Я же буду с вами, так что можете не волноваться, – успокоила я его. Но Кравцов заупрямился:

– Нет, никуда я не пойду. У меня или вообще никак.

– Ладно, – протянула я недовольно. – Вы знаете мои расценки?

– Да, тысяча рублей в день, – бросил Кравцов нервно.

– Тысяча двести в день, – обрадовала я его. – Инфляция. Цены, знаете, не стоят на месте.

– Я согласен, если вы будете хорошо выполнять свою работу, – выпалил Кравцов.

– У меня еще не было ни одного прокола, – с достоинством сказала я, – все, кого я охраняла, остались живы.

– Отлично, – произнес Кравцов так, что я почувствовала недоверие с его стороны. – Приезжайте ко мне домой к девяти. – Он продиктовал мне адрес, а я запомнила. Потом мы попрощались, и он отключил телефон.

Егор, ожидавший, пока я закончу говорить, с самодовольной улыбкой поманил меня к себе.

– Не желаете посмотреть, как работает настоящий профессионал? – Он кивнул на свою мишень.

– Нет, – буркнула я и пошла к выходу. Егор с тоской смотрел мне вслед, но преследовать не решился.

Квартира тети Милы встретила меня ароматами готовящейся пищи. Мой желудок требовательно заурчал, и я поняла, что здорово проголодалась. Выглянув из кухни в коридор, тетя Мила приветливо мне улыбнулась.

– Женя, быстро умывайся, а то твой обед уже остывает.

Поторапливать меня и не следовало. Через минуту я уже сидела за столом, готовая к приему пищи. Тетя поставила передо мной тарелку горячей ухи, придвинула хлебницу с ломтиками черного хлеба, а сама уселась напротив и с умилением принялась следить за моими движениями.

– Тетя, пожалуйста, не смотри так, мне кусок в горло не лезет, – взмолилась я, опустив ложку.

– Хорошо, хорошо, – опомнилась тетя Мила и потянулась за свежим номером «Комсомолки», лежавшим на противоположном конце стола. Зашуршали разворачиваемые газетные листы. Я сосредоточилась на еде, вылавливая ложкой из ухи рыбью икру.

– В квартиру напротив въехал новый жилец, – как бы между прочим бросила из-за газеты тетя Мила.

– Я рада за него, – пробормотала я, уже догадываясь, куда она клонит.

– Симпатичный молодой человек, не женат, – продолжала тетя ненавязчиво, будто так, к сведению. – Мы столкнулись, когда он выходил из лифта. Вежливый такой, обходительный. Зовут Ярослав, занимается торговлей. Правда, я не совсем поняла, чем он торгует.

– Тетя, а что у нас на второе? – спросила я, отодвигая тарелку, в надежде, что это собьет тетю с набившей оскомину темы.

– На второе у нас карп с грибами, – сообщила тетя Мила, – и еще я приготовила немного рыбы в кляре.

– А мясного ничего нет? – жалобно поинтересовалась я.

– Нет, сегодня рыбный день, – огорошила меня тетя и, стараясь смягчить эффект от этого известия, выложила мне на тарелку три аппетитных куска карпа с золотистой корочкой, затем прибавила два куса рыбы в кляре. – Попробуй, это очень вкусно. Особенно удался карп с грибами. Я даже себе еще немножко положу.

Я попробовала карпа. Действительно вкусно. Тетя Мила вообще была гением кулинарии. Если б не она, то питаться бы мне в какой-нибудь кафешке да перебиваться с бутербродов на чебуреки. Что уж тут говорить, еда в ресторанах, которые я посещала, на много пунктов не дотягивала до стряпни тети Милы.

– Чего ты туда положила? – спросила я восхищенно.

– Ничего особенного, – скромно сказала тетя Мила, потупив взор в свою тарелку, – филе карпа, сметана, сыр, сухари, мука и шампиньоны. Хочешь, за пять минут тебя научу?

– Нет, не стоит, – возразила я поспешно. – Каждому свое. Из меня повар, как из коровы балерина.

– Ой, зря ты так, – покачала она головой, – жена должна уметь приготовить мужу обед. – Она задумалась. – А кстати, о муже. Думаю, тебе стоит присмотреться к Ярославу.

Рыба встала у меня поперек горла, и я едва не подавилась, закашлялась.

– Женя, не торопись, хорошо прожевывай, за тобой не гонятся, – посоветовала рассеянно тетя, а сама продолжала: – Когда мы с ним разговаривали, я намекнула, что у меня есть племянница.

– Что ты обо мне рассказала? – прохрипела я, подозревая самое худшее.

– Я рассказала ему, что ты умница, красавица, имеешь высшее образование, – проговорила она с невинным видом.

– Про работу мою ты, надеюсь, не распространялась? – поинтересовалась я.

– Конечно, нет, за кого ты меня принимаешь, – возмутилась тетя Мила. – Прознай он обо всех твоих шпионских штучках, он бы сразу убежал без оглядки. Кроме того, я знаю, что все это секретная информация. Ой, Женя, не думаю, что кто-нибудь из мужиков захочет получить в жены женщину-телохранителя.

– Что же ты сказала ему о моей работе? – недоумевала я.

– Каюсь, взяла грех на душу, – возвела глаза к потолку тетя Мила, – соврала Ярославу, что ты переводчик. Папа у тебя генерал. Я сказала, потому что он поинтересовался твоими родителями, не могла же я отмалчиваться.

Подавляя в себе гнев, я спросила у тети:

– А ты не боишься вот так малознакомому человеку рассказывать столько подробностей? Что, если он маньяк? Может, соседи никуда не переехали, а лежат в квартире, в собственной ванне утопленные.

– Да что ты говоришь! – всплеснула руками тетя Мила. – Ты просто его не видела, он совсем не похож на маньяка.

– Маньяки обычно не похожи на маньяков, сплошь благовоспитанные приятные люди, которые любят переводить старушек через дорогу, – возразила я, доедая рыбу в кляре. Тетя крепко задумалась.

– А ведь действительно, он странный. – Она испуганно посмотрела на меня и, понизив голос, почти прошептала: – Представляешь, он потом принес мне кусок торта, кстати, довольно вкусного, а еще сказал, что сам себе готовит, стирает, ходит по магазинам и пишет стихи.

– Одно из двух: или он врет, или действительно маньяк. Не волнуйся, я наведу о нем справки, – решительно сказала я.

– Так, а сейчас десерт – «Апельсиновая сказка», – восторженно сказала тетя, заметив, что моя тарелка пуста.

– Я печеное не очень... – воспротивилась я, глядя на аппетитный рулет.

– Один кусочек, попробуй, ты такая худая, так изматываешь себя, – стала настаивать тетя Мила, разрезая рулет.

– Ну, если только один кусочек, – проворчала я, принимая тарелку. Но за одним кусочком последовал второй, потом третий. – Нет, тетя, от тебя надо бежать, – вздохнула я тяжело, глядя на остатки рулета. – Если ты будешь продолжать так вкусно готовить, то я в двери скоро не смогу пройти.

– Ай, брось, – махнула рукой она. – Никто не накормит тебя такой вкусной и здоровой пищей, как я. Можешь не волноваться. При твоих нагрузках ты никогда не потолстеешь. А ведь мужчины любят женщин с формами попышнее. Учти это. – Она налила мне чашку кофе.

– Где это ты вычитала? – недовольно спросила я.

– По телевизору в ток-шоу показывали, – ответила тетя Мила. Я не стала спорить. Поблагодарив за вкусный обед, я взялась за мытье тарелок, а тетя Мила, неспешно потягивая кофе, продолжала рассуждать о том, как трудно мне выбрать мужа, – задача практически нереальная, но тетя поклялась во что бы то ни стало ее разрешить. На мое счастье, ей на глаза попала заметка про повышение тарифов на жилье, и тетя Мила плавно переключилась на эту тему. Ее монотонное ворчание о негодях коммунальщиках даже как-то успокаивало меня. В голове медленно стал разворачиваться список дел, которые я должна успеть переделать до встречи с Кравцовым. Про «Молочные реки» я слышала только хорошее. Динамично развивающееся предприятие, постоянно следящее за качеством своей продукции, расширяющее ассортимент, а также не один раз спонсировавшее городские праздники. Следовало поподробнее просмотреть на сайтах информационных агентств всю возможную информацию о нем. Мало, конечно, времени, но надо бы еще разузнать про самого Кравцова, как у него обстоят дела с законом. Связываться с бандитами мне ни к чему, потом не отмоешься. Сложив посуду в сушилку, я достала сотовый и просмотрела список телефонов, прикидывая, к кому из знакомых можно обратиться, поэтому и не сразу поняла, что тетя Мила обращается ко мне.

– Что ты говоришь? – переспросила я, отрываясь от сотового.

– Я говорю, что тебе пора кончать витать в облаках и подумать о будущем, – весело сказала тетя Мила, видя мое недоумение. – Мне тут дали один рецепт кофе, приготовишь сама, или мне...

– Давай лучше ты, – бросила я отстраненно и пояснила: – У меня сейчас дело наклеивается.

– Знаю твои дела, – вздохнула тетя Мила, – опять будешь возвращаться ночью с вытаращенными глазами, вся в синяках, станешь переодеваться черт знает в кого... а я тут буду сидеть одна, умирая со страха, и думать, что там с тобой, не ранена ли...

– На этот раз ничего подобного не будет, – пообещала я, сильно сомневаясь в сказанном. Кто может знать, что с нами произойдет завтра...

– Я постараюсь убедить себя в этом, – сказала тетя Мила. – Знаю ведь, что тебя ничем не удержишь. И когда ты образумишься?

– С завтрашнего дня, – сказала я с честными глазами.

– На ужин у нас будет вермишель, – сообщила невзначай тетя Мила.

– Тетя, ты же знаешь, я мучное не очень... – поморщилась я.

– Правда? – хитро прищурилась тетя Мила. – Помнишь спагетти и как ты их отказывалась есть? Потом тебя нельзя было от тарелки оттащить.

– Ну, спагетти... – мечтательно протянула я, вспоминая то волшебное блюдо, приготовленное тетей недавно, – те спагетти – это одно, а вермишель...

– Зря ты капризничаешь, марка-то одна – «Макфа», просто называется – вермишель «Оригинальная», – пожурила меня тетя Мила, – и спагетти и вермишель отличного качества, и вкус и форму сохраняют, не развариваются в кисель. Эту вермишель можно приготовить с одним маслом, и ты будешь уплетать ее за обе щеки. Кстати, Женя, даже ты, не блещущая кулинарными способностями, сможешь ее приготовить. Варится всего четыре минуты.

– Тетя, лучше оставлю это тебе, – улыбнулась я, – в выборе продуктов ты ас. Однако, к моему сожалению, я приглашена сегодня на деловой ужин и посему не смогу оценить твой новый шедевр.

– Обещаю, ты попробуешь его потом, – заверила меня тетя Мила и продолжила расширять мой кругозор: – Если, Женя, ты боишься за свою фигуру, то напрасно. От такой вермишели не пополнеешь. Я недавно передачу смотрела про Италию, так вот там число тучных людей на душу населения ниже, чем в других странах мира, а ведь среднестатистический итальянец не мыслит своего дня без спагетти или макарон под различными соусами. Одно только условие – макаронные изделия должны быть качественные и сделаны из твердых сортов пшеницы.

Бесстрастно тикавшие на стене часы показывали без пятнадцати два. Тетя тоже вслед за мной посмотрела на часы и вспомнила, что хотела посмотреть по каналу «Дискавери» документальный фильм о пустыне Калахари. Оставшись на кухне в одиночестве, я обзвонила нескольких знакомых и аккуратно навела справки о Кравцове. То, что я слышала о нем раньше, подтвердилось. Начало пути Кравцова в большой бизнес весьма туманно, как и у большинства предпринимателей, раскрутившихся в смутное время приватизации и финансовых пирамид. Многих, кто начинал вместе с ним, посадили или отстреляли, а он как-то выплыл. Долгое время он не мог найти своей ниши. Его кидало то в торговлю, то на рынок цветных металлов. Одно время он даже был совладельцем банка, затем приобрел пекарню, немного поработал, расширился, сделал кондитерскую. Его брат, Тимур, в это время занимался перепродажей мяса и открыл небольшой колбасный цех. Два года назад, объединив свободный капитал, они приняли в команду третьего – Портняжного Германа Августовича, мужа старшей сестры Кравцовых, владельца банка «Волжский», и приобрели обанкротившееся предприятие ООО «Тарасовский молочный комбинат». Предприятие находилось в плачевном состоянии. Самсонов Лев Давидович, с которым я пересекалась по прошлым делам, продавал на комбинат упаковочный материал. Он рассказал, что когда приезжал заключать контракт с Кравцовым, то своими глазами видел, как рабочие затаскивали в цех выброшенный на свалку автомат для розлива молока. Кравцов и не скрывал этого, напротив, всячески хвастал тем, что практически на пустом месте создал предприятие. Мало кто верил, что допотопное предприятие заработает вновь, но оно заработало назло грачевскому жиркомбинату, не знавшему до этого конкурентов. Зеленский, владелец жиркомбината, заявил, что утопит Кравцова в его молочных реках, и с этого дня началась война двух конкурентов. Зеленский ввозил молоко в Тарасов по заниженным ценам, чтобы разорить конкурента. Кравцов делал то же самое, но уже в Грачеве. Однако война велась относительно цивилизованными методами без всяких перестрелок и покушений вплоть до недавнего времени, когда был застрелен финансовый директор

«Молочных рек» Павел Геворкян вместе со своим шофером. На сайте местной газеты я обнаружила статью об этом жестоком преступлении. В тот день, съездив по делам в банк «Волжский», Геворкян заехал на обратном пути домой пообедать. Когда же через полчаса он вышел из подъезда к машине, его уже поджидал киллер, вооруженный «стечкиным». Под шквальный огонь попали все – и шофер, и жена Геворкяна, вышедшая проводить мужа. Финдиректор и шофер были убиты на месте, а жена отделалась легкими ранениями. Убийца скрылся с места преступления на черном «Форде» и растворился в городе. Все попытки милиции задержать киллера, по словам газетчиков, не увенчались успехом. Эту информацию стоило проверить через мои источники в РОВД. Что, если были какие-нибудь зацепки? Связавшись по сети со своим добровольным помощником Юзером, я попросила его взломать центральный компьютер локальной сети предприятия, если таковой имелся на «Молочных реках». Хакер вышел на связь через час и сообщил, что на молочном комбинате нет сервера, открывающего доступ к интересующей меня информации. Плохонький сайт да электронная почта – вот и все, что он обнаружил. Я упала духом, но, оказалось, напрасно.

«Пляши, Охотник! – высветилось на мониторе сообщение от него. – Я покопался у налоговиков и кое-что нарыл». Следует упомянуть, что Юзер считал меня мужчиной, частным детективом. Я однажды послала ему карточку следователя из убойного отдела, снятого нанятым мной человеком, и заявила, что на карточке я и есть. Юзер ничего не заподозрил, только попросил, если появится что-нибудь интересное, сразу сигнализировать ему. Его страстью были детективы, а детективы из реальной жизни интересны вдвойне. Я сообщала ему информацию по моим делам, которая не могла повредить моим клиентам, или придумывала что-нибудь сама, а он в ответ снабжал меня данными из различных источников, начиная от аппарата правительства области и заканчивая департаментом налоговой полиции города. Вот и сейчас его информация была как нельзя кстати. По крайней мере по бумагам дела у молочного комбината шли неплохо. Чистой прибылью за год было заявлено тридцать пять миллионов, но какой бизнесмен сейчас показывает налоговикам всю прибыль. Эту цифру можно было смело умножить на три, это минимум. Я не сомневалась, что на комбинате есть и двойная бухгалтерия, и солидная черная касса, так что Кравцов обещал быть выгодным клиентом. Просмотрев еще прессу, я обнаружила статью недельной давности, где говорилось, что в продукции Тарасовского молочного комбината обнаружена синегнойная палочка. В результате нарушений, допущенных работниками предприятия, отравились двадцать два малыша в яслях номер двенадцать Майского района.

– Жень, ты прямо прилипла к своему компьютеру, – сказала мне тетя Мила, входя в комнату с подносом, на котором были большая чашка кофе и печенье. Я машинально взяла чашку, сделала глоток и замерла в удивлении. Кофе имел более чем странный, но приятный вкус.

– Не похоже на кофе, однако интересное сочетание, – пояснила тетя Мила, – кофе, взбитый яичный желток и мед.

– Как называется? – поинтересовалась я, отодвигая от себя печенье. Напиток и так был слишком сладким.

– «Императорский меланж», – произнесла тетя название напитка со значением.

– Интересно, у этого императора ничего не слиплось? – задумчиво сказала я, выключая ненужный более компьютер.

Времени было в обрез, а ведь еще надо подобрать платье для вечера и макияж сделать. На улице было прохладно после недели проливных дождей, поэтому я решила надеть темно-бордовый строгий костюм. Под ним удобно было скрыть револьвер. В моем деле каждую минуту следовало быть начеку. В сумочку я положила газовый баллончик и электрошокер. К запястью под блузкой прикрепила метательный нож. Полчаса ушло на макияж. Поправив прическу, я надела пиджак и взглянула на себя в зеркало. Темно-каштановые волосы пострижены в акку-

ратное каре. Тени и тушь подчеркивали и без того выразительные глаза. Пухлые губы, окрашенные бордовой помадой, были очерчены более темным контурным карандашом. Стройная фигура и строгий костюм в сочетании с туфлями-лодочками на высоких каблуках делали меня похожей на секретаря-референта или преподавательницу какого-нибудь престижного лица. До бизнес-леди я не дотягивала по причине обманчивой беззащитности и мягкости, проскальзывающей в облике. Этого эффекта я и добивалась. Преступник, ранее со мной не встречавшийся, часто легко покупался на то, что видел перед собой, а затем жестоко расплачивался за это. Я взяла со стола ключи от «Фольксвагена» и пошла к двери. Тетя настороженно взглянула на меня со своего кресла из гостиной.

– Ты сегодня вернешься? – спросила она.

– Не знаю, – ответила я честно.

Глава 2

Вскоре я, сидя за рулем своей машины, мчалась по направлению к центру города. Улица медленно погружалась в сумерки. Солнце уже скрылось, и вместо него вспыхнули уличные фонари, свет которых отражался в лужах, оставшихся от дождя. Встречая большую лужу, я сбрасывала скорость. Перед глазами у меня стоял фрагмент карты города, где располагался дом Кравцова. На проспекте я свернула налево от центра и поехала по каким-то переулкам. Вот наконец и нужный мне Садовый проезд. Фары «Фольксвагена» высветили номер дома – двенадцать. Если карта не изменилась, то до особняка Кравцова еще два дома. Непроглядная тьма царила в Садовом проезде. Жители здешние уже давно, наверно, забыли, что такое уличное освещение. Отсчитав два дома, я подъехала к воротам третьего и затормозила. Фары вырвали из мрака цифру восемнадцать, укрепленную на кирпичном столбе въездных ворот. Часы показывали без пяти минут девять, и я уверенно просигналила, подождала минуты две, затем просигналила еще раз. Ворота будто нехотя стали открываться вовнутрь под действием встроенного электромеханического устройства, давая мне возможность проехать. Я тронула «Фольксваген» с места, и машина, тихо шурша шинами по декоративной плитке, въехала в просторный двор. В глубине его притаился приземистый, отделанный серым гранитом дом. Подсветка, квадратные колонны у входа, решетки с незатейливым орнаментом – все вместе производило внушительное впечатление. Судя по дому, я предположила, что его хозяин серьезный человек, для которого важно все держать под своим контролем. Ко мне никто не вышел, хотя в доме было заметно какое-то движение. Мимо окна прошла тень. Я посмотрела на закрывающиеся ворота и ощутила легкий укол страха. Но делать было нечего. Не в первый раз я встречалась с опасностью лицом к лицу. Кроме того, интуиция подсказывала, что опасности нет. Оставив машину перед входом, я подошла ко входу. Массивная дубовая дверь с бронзовой ручкой в виде головы льва, зажавшего в зубах кольцо, бесшумно распахнулась передо мной. За мгновение до этого я услышала тихий щелчок замка, поэтому успела вовремя отклониться, а иначе бы получила дверным полотном в лоб. Невысокая, склонная к полноте остроносая женщина с длинными черными волосами, завитыми в мелкие колечки, недружелюбно осмотрела меня с ног до головы жгучими черными глазами и произнесла ледяным тоном:

– Так это вы новая охранница мужа?

Я ответила ей спокойным взглядом. Чувствовалось, что женщина нервничает. Ее рука с длинными ногтями яростно теребила пояс шелкового халата, расшитого драконами.

– Евгения Максимовна Охотникова, – представилась я. – Аркадий Никифорович назначил мне здесь встречу на девять вечера.

– Вы ничуть не похожи на телохранителя, – изрекла женщина, не спуская с меня глаз. В тоне ее слышались подозрительность, раздражение и много чего еще. – И где Аркаша вас только разыскал?

У меня появилось впечатление, что сейчас дверь захлопнут перед моим носом и мне останется только ехать домой, но тут стражница отступила от входа, пропуская меня. Ее тон был все такой же ледяной и полный враждебности.

– Проходите, Аркаша ждет вас в своем кабинете на втором этаже.

К своему удивлению, я увидела лестницу, ведущую на второй этаж, хотя, глядя на дом с улицы, я посчитала его одноэтажным. Оглядываясь, я поняла, что дом внутри намного больше, чем кажется снаружи. Незвестный архитектор, вероятно, специально стремился к подобному эффекту. На втором этаже, окна которого выходили на задний двор, было три комнаты. Сопровождавшая меня женщина указала на среднюю дверь.

– Сюда. Меня, чтобы вы были в курсе, зовут Юлия Матвеевна, я жена Аркадия, но думаю, что вы уже это поняли. – С этими словами она, поджав губы, распахнула передо мной двери

кабинета и пропустила меня вперед. Проходя мимо нее, я отметила, что ей, вероятно, под пятьдесят. При тусклом освещении холла я решила, что ей около сорока, но теперь видела, что она просто очень следит за собой, умело скрывая свой возраст.

В большом кабинете за массивным столом перед компьютером сидел мощный лысеющий мужчина с крупными чертами лица и маленькими бегающими глазками цвета пожухлых васильков. Без сомнения, он ждал меня. Однако надежда в его глазах быстро сменилась тревогой и разочарованием. Представившись, он проворно выскочил из-за стола, придвинул для меня кресло и сам опустился в кресло напротив.

– Аркадий, тебе не кажется, что она слишком молода для охранницы? – спросила недовольным тоном Юлия Матвеевна.

Со скрещенными на груди руками она наблюдала за нами от двери. Кравцов посмотрел на жену исподлобья.

– Золотце, сходи, пожалуйста, скажи Татьяне, чтобы накрывала на стол, – попросил он мягким вкрадчивым голосом, – мы сейчас обговорим пару моментов и спустимся.

Лицо Юлии Матвеевны потемнело от гнева. Не говоря ни слова, она вышла из кабинета и захлопнула за собой дверь.

– Итак, Евгения Максимовна, скажу честно, вы меня поразили, – начал Кравцов, как только мы остались одни. – С одной стороны, прекрасно, что вы такая юная и ослепительная, но с другой стороны, возникают некоторые сомнения. Справитесь ли вы со своей работой?

– Вам дали относительно меня рекомендации. Поверьте, ваш знакомый архитектор ничего не приукрасил, – сказала я уверенно и с нажимом. – Мою квалификацию могут подтвердить и другие клиенты. Уверю вас, вы не прогадаете, наняв меня.

– Да, – задумчиво протянул Кравцов, – мне сказали, что вы работали в КГБ секретным агентом.

– В спецподразделении КГБ, – уточнила я.

– Наверно, агенты и должны выглядеть так, как вы, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, – глубокомысленно заметил Кравцов.

– Вы правы. Шварценеггеров среди спецов обычно не встретишь, – согласилась я.

– Хорошо, вы меня убедили, – улыбнулся Кравцов. – Рекомендаций Феофанова мне достаточно. Предлагаю теперь обговорить детали.

– Согласна, – кивнула я. – Прежде всего в чем будет заключаться моя работа?

На переносице у Кравцова обозначилась вертикальная складка. Он сильно задумался, а потом сказал неуверенно:

– Раньше я никогда не задумывался о собственной безопасности, так как не лез во всякие темные дела, поэтому не до конца понимаю, как сформулировать свои требования. Может, вы, как профессионал, подскажете мне что-нибудь?

– Для начала скажите: как вас охраняли раньше? – спросила я, доставая из сумочки портсигар. Кравцов дал мне прикурить от позолоченной зажигалки. Я затащила, предложила сигарету ему. Он кивнул в знак благодарности, взял сигарету и, подвинув поближе пепельницу, сам закурил, а потом продолжил разговор.

– Сказать честно, мой шофер по совместительству является моим телохранителем. У него есть газовый пистолет, но повторяю, до недавнего времени проблем не было.

– А как охраняется дом? – поинтересовалась я, стряхивая пепел в пепельницу.

– Забор и стальные двери, – ответил Кравцов.

– Я так и поняла, – хмыкнула я. – Первым делом надо обезопасить ваш земельный участок по периметру, а то любой сдвинувшийся наркоман может легко перемахнуть через ограду и порешить вас вместе с женой. У вас даже камеры на крыльце нет, чтобы посмотреть, кто пришел.

– Да руки все не доходили, – виновато улыбнулся Кравцов. – Исправимся.

– На периметр хватит четыре камеры плюс одну на крыльцо и другую на въездные ворота, – принялась подсчитывать я, – датчики движения, систему против проникновения в дом. Сигнал можно и нужно вывести на пульт вневедомственной охраны.

– Что, думаете, все так серьезно? – нахмурился Кравцов. – Может, вашего присутствия будет достаточно?

– Я не могу находиться рядом с вами постоянно до самой смерти, – пояснила я терпеливо, – это элементарные меры безопасности. Как вы думаете, какие желания вызывает у грабителей неохраняемый симпатичный домик, где живут явно не бедные люди? Вас что, еще не грабили?

– Да нет, ни разу, – хмуро бросил Кравцов, вдавливая окуроч в пепельницу.

– Что ж, могу вас поздравить, – сказала я торжественно, – вам сказочно повезло.

– Ладно, я все понял. Завтра же позвоню в «Гарант», – пообещал он так, словно делал мне одолжение. – Они мне устанавливали систему безопасности на молочном комбинате, попрошу, чтобы то же самое сделали и здесь.

– Правильное решение, особенно в свете последних событий, – кивнула я и отправила свой окуроч в пепельницу. – Теперь расскажите поподробнее о ваших проблемах, а я решу, как нам быть. – Кравцов заметно помрачнел.

– Все началось два месяца назад. Помните отравление детишек в яслях? Так вот, наша продукция на выходе к потребителю проходит жесткий контроль. С каждой партии лаборатории берет пробы, и некачественный товар абсолютно невозможен, если только это не саботаж.

– Вы уверены в этом на сто процентов? – спросила я скептически. Мой скепсис не понравился Кравцову.

– Хорошо. Допускаю, такое могло произойти один раз, – запальчиво произнес он, – но ведь это случилось не единожды. Еще три случая мне удалось замять. Я половину лаборатории разогнал, повысил нормативы промывки оборудования и технологических линий. Знаете, как сейчас пробы доставляются в лабораторию?

Я покачала головой, дескать, без понятия.

– А я скажу! – воскликнул Кравцов, словно я ему затыкала рот. – Три сотрудника лаборатории во главе с начальником в сопровождении двух охранников делают забор проб с продукции, поступившей на склад. Помечаются лотки, из которых берутся образцы, составляется акт, в котором расписываются даже охранники, что видели, как производился забор проб. Потом все переносится в лабораторию и там на глазах у свидетелей делаются анализы.

– А как раньше брались анализы? – спросила я, переваривая полученную информацию.

– Раньше просто лаборанты ходили, брали образцы со склада, с конвейеров, делали анализы, результаты заносились в журнал, начальник смены и начальник лаборатории расписывались, – говорил Кравцов с раздражением. – Но потом стало понятно, что или в лаборатории засланный казачок, или кто-то подменил пробы. Поэтому пришлось ужесточить меры безопасности. Теперь по всему молочному комбинату установлены камеры наблюдения, по цехам ходит охрана.

– И что, эти меры дали какой-нибудь результат? – спросила я.

– Да, конечно, нашей продукцией перестали травиться, – ответил он, – только потом случилось кое-что почище. Наше предприятие питается электричеством с городской ТЭЦ. До него проложены четыре высоковольтных кабеля: два рабочих и два резервных. Кто-то прикрепил к ним в месте, где кабели выходят на эстакаду, что-то наподобие термитного заряда и поджег. Смесь прожгла оболочку, кабели замкнуло, причем все четыре, и предприятие на сутки осталось без электричества. Понимаете, что значит для молочного комбината остаться без электричества? У нас непрерывный цикл работ. Пока чинили кабели, пока бюрократические проволочки с ТЭЦ, испытания там всякие и разрешение на включение, у меня скисло шестьдесят тонн молока плюс одиннадцать тонн мороженого. Это миллионные убытки. Из кис-

лятины потом понаделали творога, но кому, скажите на милость, нужно такое количество творога! Я потом рвал на себе волосы и бегал, не зная, куда его пристроить. Две тонны ушло в магазины, еще тонну спихнул в пекарню, а остальное по бросовым ценам отправили на птицефабрику.

– В каком месте были повреждены кабели, на территории предприятия или за его пределами? – спросила я.

– За территорией, в двадцати метрах от забора, – пояснил Кравцов, наливая себе в стакан виски, – там еще трубы теплотрассы из земли выходят. Ну ничего, пусть теперь только сунутся к ним. Я велел поставить там вышку с охранником, и если что, то пусть стреляет на поражение.

В кабинет резко вошла Юлия Матвеевна и недовольным голосом сказала, косясь на меня:

– Что же вы не идете, стол уже накрыт!

– Сейчас. Подожди. Видишь, мы разговариваем! – рявкнул на нее разгоряченный Кравцов. Его жена замерла с открытым ртом, а Аркадий Никифорович, поняв свою оплошность, быстро заговорил, вскакивая с кресла: – Извини, золотце, нервы ни к черту, сейчас спускаемся.

Кравцова, бледная, со сверкающими злобой глазами, молча удалилась. Я глянула на клиента. Он с тревогой смотрел ей вслед.

– Больше попыток повредить кабели не было? – спросила я, выводя Кравцова из задумчивости.

– Нет, к кабелям не прикасались, – ответил он, опускаясь обратно в кресло. Кожаная обивка под ним протестующее закрипела. – Но дальше было еще хуже. Подряд две утечки аммиака из линий холодильно-компрессорной станции. Каждый раз приходилось эвакуировать по ползавода. Потом комиссия из МЧС и технадзора натянула меня по полной программе. Начальник охраны выгнал весь караул в полном составе.

– Вы не считаете утечки случайными, – уточнила я, – предприятие-то старое, износ оборудования и коммуникаций.

– Да проверяли мы. Линии намеренно были испорчены. В одном случае продувочный кран был вырван с «мясом». – Кравцов с досадой бухнул по столу кулаками. – Ох, поймать бы мне эту гниду! После утечек пришлось опять усиливать охрану, устанавливать дополнительные камеры и посты.

– Аркадий Никифорович, а почему вы решили, что опасность угрожает непосредственно вашей жизни? Когда вы это поняли? – спросила я.

– После убийства Геворкяна некто написал на воротах моего дома кровью «Готовься сдохнуть», – сказал Кравцов, глядя мне прямо в глаза. – Как вы считаете, угроза это или нет? Я думаю, что это самая что ни на есть угроза.

– Знак действительно зловещий, я согласна, – кивнула я.

– Милиции же этого не докажешь, сказали: кровь на воротах свиная, просто подшутил кто-то! – с досадой воскликнул Кравцов, вскакивая. В нервном напряжении он забегал по кабинету. – Они не связывают все эти случаи. Убийство Геворкяна худо-бедно расследуют, а про остальное говорят – совпадение, несчастный случай или сваливают все на психа, говорят, что пройдет полнолуние и он успокоится. Я, конечно, задействовал связи и прижал им хвосты, но все равно следствие не движется.

– На первый взгляд все действительно очень запутанно и кажется, что все эти случаи не связаны между собой, – произнесла я с расстановкой. – Сказать что-либо конкретно я смогу, лишь досконально изучив дело.

– Феофанов мне сказал, что вы хороший сыщик, – вспомнил Кравцов, – так что, может быть, вам удастся то, что не удастся милиции.

– Да, действительно, занимаясь охраной клиента, я провожу параллельно расследование, чтобы нейтрализовать источник опасности, – призналась я. – Настоящий профессионал должен

уметь предотвратить удар до того, как он будет нанесен, а сделать это можно, лишь вычислив злоумышленника.

– Вот и великолепно. Прошу вас, вычислите этих злоумышленников, пока я не разорился и не получил пулю в голову, как Геворкян, – взмолился Кравцов.

– Хорошо, вычислю, – пообещала я. – Давайте еще раз обговорим оплату моих услуг.

Кравцов не возражал. Он безропотно согласился на все мои условия. Видать, страх сделал его уступчивым. В итоге я должна была по условиям соглашения получать тысячу двести рублей в день плюс дополнительные расходы, если потребуется. Оплата в конце недели. Кравцов расщедрился настолько, что пообещал мне премию, если я сумею предотвратить очередной акт саботажа. Премия, по его заверениям, будет составлять десять процентов от суммы возможного убытка. Я прикинула в уме. Повреждение кабелей обошлось «Молочным рекам» потерей одиннадцати тонн мороженого и шестидесяти тонн молока. Отпускная цена на мороженое для оптовиков в среднем восемьдесят рублей за килограмм, а молока – восемь рублей за литр. В общей сложности это примерно миллион рублей.

– Значит, в случае чего вы вот так запросто выложите передо мной сто тысяч? – напрямую спросила я. Кравцов сердито потер переносицу.

– Я сказал: десять процентов от суммы предполагаемого ущерба, – значит, десять процентов.

Глядя на него, я сильно засомневалась в правдивости его слов. Не похож был Аркадий Никифорович на человека, щедро раздающего подарки.

– Насчет графика работы, – сказала я, меняя тему. – Как вы хотите? Я могла бы каждое утро приезжать к вам и сопровождать вас на работу, или...

– Мне было бы спокойнее, если бы вы на некоторое время поселились у меня, а то, честно сказать, последние ночи я глаз не сомкнул, мерещилась всякая чертовщина. – Кравцов отвернулся к окну, чтобы я не видела его лица. – На работе и так напряг. Всякий норовит кинуть – и поставщики, и потребители, а тут еще какая-то гадина завелась. Я всю жизнь к этому шел...

– Успокойтесь, неразрешимых проблем не бывает, – заверила я его, – всегда можно найти выход.

Повернувшись ко мне лицом, Кравцов грустно улыбнулся.

– Евгения Максимовна, а мне нравится ваш оптимизм. Чувствую, вы действительно сможете мне помочь.

– Конечно, смогу, – вскинула я голову, – только при условии, что вы неукоснительно будете выполнять все мои требования, касающиеся мер безопасности.

– Считайте, что уже начал выполнять, – оживившись, проговорил Кравцов. Я смогла вселить в него уверенность. Тоска и растерянность ушли из его взгляда, в глазах засветился озорной огонек. – По рассказам Феофанова, вы просто творите чудеса, – сказал он, улыбаясь уже по-настоящему.

– Чудеса – это мой профиль, – усмехнулась я.

– Что ж, давайте спустимся в столовую. Наверно, там уже вся еда остыла, – предложил Кравцов, подходя к моему креслу.

– Когда мне приступить к работе? – спросила я, с неохотой поднимаясь из удобного кожаного кресла.

– Немедленно! – воскликнул Кравцов поспешно. – Я даже заплачу вам за этот день, как за полный.

– Нет проблем, – ответила я, – утром съезжу к себе, заберу кое-что необходимое для работы.

– Конечно, конечно, съездите, – Кравцов взял меня за локоть и повел к двери, – ужин ждет...

Кравцова встретила нас в столовой.

– Все уже давно остыло, пока вы там совещались, – бросила она раздраженно, – велю Татьяне подогреть и подавать.

Она вышла из столовой, а я спросила у Кравцова, кто знает, что он собирался нанять меня.

– Никто, только жена, – ответил он, сбитый с толку моим вопросом. – Что, нужно это скрывать?

– По возможности, – ответила я. – Пока я во всем не разобралась, все, кто вас окружает, под подозрением.

– А что я скажу на работе, когда спросят, кто вы такая? – задал он резонный вопрос.

– Скажете, что я консультант из экономического университета, – предложила я. – Вы наняли меня консультировать руководство комбината по вопросам экономической безопасности бизнеса и методам конкурентной борьбы.

– Звучит как-то заумно, – скривился Кравцов.

– Зато никто ничего не поймет, – улыбнулась я в ответ.

– Я понял, что вы намекаете, что нельзя доверять даже начальнику службы безопасности предприятия? – спросил Кравцов, беспечно бродя вокруг стола с расставленными на нем приборами для ужина. – Между прочим, мы знаем друг друга с детства.

– Я не предлагаю не доверять вообще, а установить на время некие границы доверия, – сказала я осторожно.

Татьяна, молодая девушка, домработница Кравцова, внесла в столовую кастрюлю с торчавшим из нее половником, и я уловила рыбный запах.

«Неужели уха? Опять! – пронеслись в голове мысли. – Бывают же такие совпадения. У Кравцова, наверно, сегодня тоже рыбный день».

В столовую заглянула Юлия Матвеевна.

– Я пошла спать!

– Дорогая, а ты что, с нами не поужинаешь? – удивленно спросил Кравцов.

– Я уже поужинала, – бросила она и вышла.

– Что-то она сегодня не в духе, – пожал плечами Кравцов. С деловым видом он постелил на колени полотенце, взял два кусочка хлеба из хлебницы, пока домработница наливала ему уху. Я тяжело вздохнула, так как не была большой любительницей рыбы. Когда Татьяна стала наливать уху мне, я попросила налить неполную тарелку. – Уха из стерлядки, – сообщил мне Кравцов, полагая, что это меня вдохновит.

– Она слишком жирная для меня, – поморщилась я.

– Как знаете, – буркнул Кравцов, уже сноровисто работая ложкой.

На второе были котлеты с картофельным пюре. Татьяна по моей просьбе принесла графин с апельсиновым соком.

Кравцов же пил чай с каким-то пирожным, непрерывно болтая о тяжелой судьбе директора молочного комбината.

– У вас в доме случайно нет снимков повреждений на вашем предприятии и угрожающей надписи на воротах дома? Я хотела бы перед сном посмотреть их.

– Я предоставлю вам свой ноутбук, – ответил Кравцов, ставя на блюдце свою чашку.

После ужина Татьяна показала мне комнату для гостей. Я сочла ее приемлемой и, вспомнив о тете Миле, немедленно позвонила ей и сообщила, что не приеду ночевать.

Когда я сняла пиджак и плюхнулась в одежде на расстеленную постель, в дверь осторожно постучались. Это Кравцов принес мне диск с фотографиями и ноутбук. Я поблагодарила, вежливо выпроводила его за дверь, заперлась и принялась раздеваться и снимать макияж. Затем я прошла в ванную комнату, предназначенную также для гостей, приняла душ, а потом просмотрела диск Кравцова. На диске имелись снимки надписи на воротах кровью, а также фотографии поврежденных кабелей и аммиачных линий, оторванный продувочный кран, обнаружен-

ный за цехом в густой траве. Когда я почувствовала, что глаза начинают слипаться, я бросила это занятие и легла спать.

Глава 3

Молочный комбинат снаружи напоминал какие-то трущобы.

Приземистые серые корпуса в подтеках ржавчины на стенах теснились друг к другу за высокой оградой. Присмотревшись к ограде, я заметила кое-где повалившиеся панели, некоторые под наклоном, готовые вот-вот рухнуть. Перехватив мой взгляд, Кравцов стал оправдываться:

– Не смотрите так, это не наш забор. Там внутри есть другая ограда, а территория между ними занята стоянкой. Я через месяц или два собирался отремонтировать фасады и ограждение, но все деньги, выделенные на это, ушли на погашение убытков, вызванных отключением электроэнергии и другими авариями. – Я промолчала, а он продолжал: – Хотел еще зарплату работникам повысить, но теперь только в следующем году, если больше ничего не случится.

Джип «Мерседес» Кравцова подъехал к проходной. Охранник подбежал к машине, заглянул внутрь через приоткрытое окошко, поздоровался, а потом подал сигнал, чтобы открыли шлагбаум.

– Что, охрана не знает вашу машину? – спросила я, удивленная поведением охранника.

– Я им сам приказал, чтобы проверяли даже мою машину, – с гордостью сказал Кравцов.

– Это круто, – кивнула я, сделав вывод, что мой клиент сторонник дешевого популизма.

Охранник просто посмотрел в салон, но не посмел спросить, что это за женщина проезжает на предприятие без пропуска. Может, я захватила директора в заложники и еду на предприятие совершить теракт. По рассказам Кравцова, на «Молочных реках» большие запасы аммиака. Химическая атака на близлежащие жилые дома получится что надо.

Между тем джип затормозил у главного входа заводоуправления комбината по соседству с другим джипом, «Фордом» серебристо-кофейного цвета.

– Вот это – заводоуправление, – начал мне объяснять Кравцов, – там дальше производственные цеха. Позже мы пройдемся по территории.

Слушая его, я бросила взгляд на камеру наблюдения, торчавшую под козырьком входа. Ее объектив медленно поворачивался, обозревая площадку перед зданием, заставленную крутыми иномарками. Глаз резал резкий контраст между машинами престижных марок, сияющими на солнце, словно выставочные модели в автосалоне, и обветшалым фасадом пятиэтажного здания. Кравцов пригласил меня последовать за ним через прозрачные стеклянные двери в сердце его предприятия. Миновав вертушку, мы столкнулись еще с двумя охранниками, дежурившими в вестибюле. Кравцов поздоровался с каждым из них за руку, потом потянул меня к допотопному лифту. Это чудовище с лязганьем вознесло нас на самый верхний этаж. Здесь, в отличие от мрачного вестибюля, было светло, все сверкало недавним евроремонтом, а на подоконнике стояли горшочки с комнатными цветами. Дальше по коридору, рядом с приемной, я увидела в большой кадке лиану, гигантскую монстеру. В самой же приемной по углам раскинулись пальмы и фикус. Кравцов приветливо поздоровался с секретаршей и завел меня в свой кабинет. Таких кабинетов я видела с десятков, и этот не выделялся ничем выдающимся. Те же мягкие кожаные кресла, диван, стол, симпатичный книжный шкаф, на корешках книг я прочла: «Психология», «Основы бизнеса», «Экономика»... Кравцов неслышно прошел по мягкому ковролину к окну и поднял жалюзи.

Комнату залил яркий солнечный свет.

– Что скажете о моем кабинете? – спросил Кравцов. – Может, тут что-нибудь сделать с точки зрения безопасности, скажем, навесить стальные двери, установить детекторы движения?

– Не думаю, что это необходимо, – ответила я, подходя к окну. – Дверь крепкая, кажется, из дуба, с надежным замком. В случае чего можно некоторое время выдерживать осаду, пока не подоспеет помощь. Окна пластиковые, и снаружи через них не так-то легко проникнуть...

– Про какую осаду вы говорите? – испуганно спросил Кравцов.

– Я это чисто гипотетически, – бросила я, обозревая панораму, открывающуюся из окна. Непонятные строения невдалеке напротив заводоуправления меня заинтересовали. – Что это там за трубы и конструкции торчат?

– Это остатки лакокрасочного завода. Там сейчас «металлисты» дорезают весь чермет, а потом его снесут, – сказал Кравцов с оттенком грусти в голосе. Неплохой, кстати, заводик был. Я даже хотел его приобрести, но не дали, черти...

Я не стала уточнять, что за «черти», а спросила, хорошо ли охраняют ту территорию. Идеальное место для покушения. Кабинет директора в прямой видимости. Хорошая винтовка с оптическим прицелом – и дело сделано. Словно прочитав мои мысли, Кравцов опустил жалюзи и включил свет.

– Зачем вы это сделали? – спросила я.

– Затем, что там ни хрена ничего не охраняется. Кто угодно может залезть на эти трубы и снести мне голову из снайперской винтовки, – ответил Кравцов раздраженно.

– Вы что, стоите на пути у людей, которые способны на это? – поинтересовалась я, плюхаясь на диван.

– Я уже ничего не знаю, – пробормотал он, вдавливая пальцем клавишу громкой связи. – Маша, принесите нам кофе, пожалуйста, и вызовите Филюшкина, пусть срочно идет ко мне.

– Хорошо, Аркадий Никифорович, – донесся из динамика голос секретарши.

– Филюшкин – это начальник службы безопасности, – пояснил Кравцов, оборачиваясь ко мне. – Еще раз скажите мне, как вас представить, а то я запамятовал. Консультант из экономического университета, кажется...

– Да, – кивнула я, – по вопросам экономической безопасности и методам конкурентной борьбы.

– Запишу на всякий случай, – усмехнулся Кравцов.

Минут через пять в кабинет вошла секретарша и принесла поднос с кофейником и чашками.

– Где Филюшкин? – сразу же спросил Кравцов.

– Обещал сейчас прийти. Он где-то на территории, – ответила она, разливая кофе.

Не выдержав, Кравцов схватился за сотовый, быстро набрал номер и, сдвинув брови, принялся ждать ответа. Когда он заговорил, от его голоса повеяло арктическим морозом.

– Илья Климович, это Кравцов. Мы тут вас ждем. – Он молча выслушал объяснения подчиненного, затем бросил: – Это хорошо, что ты так печешься о безопасности, но у меня здесь человек ждет. Ладно, давай сюда немедленно.

Я незаметно усмехнулась этой демонстрации власти. Разлив кофе, секретарша удалилась. Не позже чем через минуту в кабинет буквально ворвался низенький подвижный мужичок лихой наружности. Как вихрь он подлетел к Кравцову, поздоровался, обшарил прищуренными карими глазами кабинет, коротко поздоровался со мной, затем подскочил к двери и выглянул в приемную, захлопнул дверь и с веселым недоумением уставился на директора.

– А что за человек меня ждет, где он?

– А меня ты что, за человека уже не считаешь? – с угрозой спросил Кравцов.

– Да что вы, Аркадий Никифорович! – бурно возразил мужичок, комично изображая ужас. – Вы самый человечный человек из всех людей, которых я знаю. – Не дожидаясь приглашения, он удобно устроился в кресле и, подавшись вперед, показал, что он весь внимание и готов исполнить любой приказ. Не выдержав молчания Кравцова, он первый подал голос: – Аркадий Никифорович, я жду ваших приказаний.

Кравцов неспешно произнес:

– Евгения Максимовна, разрешите представить вам нашего начальника службы безопасности Илью Климовича Филюшкина.

В следующее мгновение беспокойные глаза начальника службы безопасности были прикованы к моей скромной персоне. Он с интересом оглядел меня с ног до головы, оценивая, а Кравцов, выдержав паузу, представил меня. Услышав про консультанта по вопросам экономической безопасности, Филюшкин вторично оглядел меня, и в его взгляде проступила насмешка.

– Мы сейчас вместе пройдемся по территории, и вы, Илья Климович, покажете Евгении Максимовне нашу систему безопасности, а в десять будет общая планерка, где я представлю нашего консультанта руководящему составу комбината, – продолжал Кравцов деловым тоном, – и я вас попрошу, чтобы вы передали своим людям, что Евгения Максимовна имеет допуск в любое место на территории предприятия, во все цеха. Повсеместно ей должно оказываться содействие.

– Да, да, конечно, – усердно кивал головой Филюшкин с понимающим видом, – незамедлительно напишу приказ по службе и снабжу нашего уважаемого консультанта пропуском с красной полосой.

– Что за красная полоса? – нахмурился Кравцов.

– Ну, это как у меня и у вас на пропусках, – улыбнулся Филюшкин и продемонстрировал свой пропуск. – Помните, месяц назад мы отменили три зеленых полосы и ввели одну красную для директоров, начальника службы безопасности, его заместителя и начальников караулов. Для остальных руководителей и охраны оставили две зеленых...

– Илья Климович, не путайте вы меня своими полосами, – раздраженно бросил Кравцов, – давайте пройдемся по территории.

– Перед этим можно перекинуться с вами парой слов наедине? – попросил Филюшкин, хитро косясь на меня.

– Евгения Максимовна, подождите, пожалуйста, нас в приемной, – сказал мне Кравцов, и я послушно вышла. О налитом кофе никто не вспомнил. Секретарша в приемной, набравшая что-то на компьютере, с любопытством взглянула на меня. На ее лице выразилось желание спросить меня о чем-то, но вместо этого она вновь уткнулась в монитор, и ее пальцы быстро забегали по клавиатуре. Мне показалось, что я перестала для нее существовать. В приемной у стены стояли стулья для посетителей. Я направилась к ним, но тут из кабинета появились улыбающиеся Кравцов и Филюшкин. – Маша, если что, мы с Ильей Климовичем на территории, – бросил он секретарше и обратился ко мне: – Пойдемте прогуляемся, Евгения Максимовна.

– Пойдемте, пойдемте, посмотрите, откуда у вас в холодильнике берется молоко, – ухмыльнулся Филюшкин и подмигнул мне.

Впечатление от прогулки по территории комбината у меня осталось двоякое. С одной стороны, было заметно, что руководство озабочено развитием предприятия. Кравцов демонстрировал мне новое оборудование, отремонтированные помещения, но все это носило какой-то хаотический характер – островки цивилизации на фоне всеобщей разрухи. Возможно, мне так казалось потому, что я была далека от всего этого. Проходя по цехам, Кравцов чуть ли не с каждым здоровался за руку, будь то рабочий или начальник цеха, не важно. Филюшкин, суетившийся вокруг нас, без конца поддакивал и дополнял повествования своего босса. В конце концов Кравцов рывкнул на него, чтобы не мельтешил перед глазами. В цехе мороженого меня угостили пломбиром и начальник цеха прочитал лекцию о производственном процессе. Я выслушала, старательно имитируя заинтересованность. Затем я узнала, как делается кефир, ряженка, варенец и другие кисломолочные продукты. Мы побывали в лаборатории. Кравцов показал мне холодильно-компрессорную станцию и резервуары с аммиаком. Вид двух двенадцатикубовых емкостей, огороженных решеткой, где аммиак находился под давлением четыре

килограмма на квадратный сантиметр, наполнил меня благоговейным страхом. Не хотелось и думать, что сможет устроить опытный террорист, добравшись до них. Потом мы посетили насосную и двинулись в обратный путь. Не зная уже, чем ему еще похвалиться, Кравцов упомянул, что специалисты его предприятия занимаются озеленением территории, вокруг цехов разбиваются клумбы, высаживаются цветы и декоративные кустарники. Я не дала развить эту тему дальше и спросила, почему у рабочих на робе разноцветные нашивки на рукавах и спине. Кравцов ответил, что это изобретение принадлежит Филюшкину, пусть он о нем и рассказывает. Начальник службы безопасности расцвел от этих слов. С жаром он начал доказывать мне, что сие гениальное нововведение должно раз и навсегда покончить с нарушениями трудовой дисциплины и воровством. Цвета нашивок обозначали, в каком цехе работает тот или иной работник. Рабочим разрешалось ходить в другие цеха только в сопровождении мастера, а охране было легче отслеживать перемещения людей по комбинату. Обсуждая это, мы подошли к какому-то ангару. За ним виднелась вышка с будкой охраны. Таких вышек я видела уже шесть штук. Две из них были недавно возведены, что явственно просматривалось по свежей краске, покрывающей конструкции.

– Здесь у нас пункт промывки и дезинфекции молочных цистерн, – указал Кравцов на ангар. – Строительство закончили в прошлом месяце.

Я вежливо выслушала его и спросила:

– А как часто охрана патрулирует территорию?

– Каждые два часа, – ответил за него Филюшкин. – Иногда мы смещаем время обходов, выборочно проверяем цеха.

«Обычному человеку не так-то легко проникнуть сюда и совершить свое черное дело, но для профессионала подобная задача что-то вроде утренней пробежки», – подумала я.

Кравцов, глянув на часы, сообщил, что скоро планерка и нам следует вернуться в управление.

Когда мы входили в здание заводоуправления, на стоянку зарулил черный «БМВ». Из него вылез знакомый мне по тиру Егор, тот самый, что страстно желал обучить меня стрельбе. Как и в прошлый раз, он был в засаленных растянутых джинсах, джинсовой рубашке, обтягивающей брюшко, каких-то сандалиях, на волосатом запястье поблескивали золотые часы. Неосознанным движением расчесав сальные волосы пятерней, он улыбнулся нам во всю небритую морду и поспешил к нам, смешно семеня вразвалку. Поздоровавшись со всеми по очереди за руку, он наконец узнал меня, хитро прищурился, но не подал виду.

– Познакомьтесь, Евгения Максимовна, это мой заместитель, Егор Андреевич Авенин, так сказать, правая рука и идейный последователь, – весело отрекомендовал мне Егора Филюшкин.

– Советую чаще мыть свою правую руку, – недовольно проворчал Кравцов и, отвернувшись, дернул ручку входной двери на себя. Мы последовали за ним.

– Егор, ты меня уже достал. Заведи себе новую жену, если сам не в состоянии следить за собой, – шепотом пожурил заместителя за моей спиной Филюшкин.

– Да я что, на жопе сижу, целый день в разъездах, – буркнул в ответ Егор.

В зале совещаний к нашему приходу было целое столпотворение. Уже немного знакомые по прогулке начальники цехов и другие руководители подразделений шумно обсуждали друг с другом насущные проблемы предприятия. Когда Кравцов прошел по залу и занял место во главе стола, все разговоры утихли. Комната наполнилась звуками отодвигаемых стульев, скрипом мебели под рассаживающимися и шелестом бумажек, подготовленных к планерке. Я, опередив главного механика, уселась справа от Кравцова.

– Тут чей-то блокнот и ручка, – объявила я.

– Это мое, – обиженно бросил механик, взял блокнот и демонстративно сел в кресло у стены, надувшись, как индюк.

– Александр Николаевич, что вы примостились там, как сирота казанская, давайте к столу, – обратился Кравцов к механику.

– Я тут посижу, мне удобно, – капризно ответил он. В глазах Кравцова засверкали молнии. Он бухнул кулаком по столу.

– Удобно, не удобно – нечего тут ломаться, как девочка! Быстро к столу!

Очевидно, решив не перегибать палку, механик придвинул свое кресло к столу. Остальные подвинулись, пропуская его.

Обозрев собравшихся, Кравцов объявил повестку планерки: повышение качества мороженого, снижение потерь сырья, а также улучшение снабжения предприятия материалами, необходимыми для производства и для ремонта оборудования. После этого он представил меня, сказал, что я его доверенное лицо на предприятии, и велел выполнять все мои приказы. Два десятка глаз, будто буравчики, впились в меня, изучая. Выражение на лице главного механика я истолковала как «Видали мы таких важных птиц». Дальше пошло обсуждение производственных процессов. Начальница производства кисломолочных продуктов и мороженого, фигуристая тетка стервозного вида лет около сорока с короткой стрижкой осветленных волос, отчитывалась перед Кравцовым за большие потери сырья.

– Аркадий Никифорович, вы же понимаете, в каком состоянии оборудование. Большинство аппаратов шестидесятых годов, – с жаром говорила она зычным голосом, – часто приходится сливать испорченный продукт прямо в канализацию.

– Когда я все пойму, вы окажетесь за дверью, – предупредил ее Кравцов. – Я хочу, чтобы вы вместе с главным технологом разобрались, почему в прошлую пятницу осело две тонны плумбира. Второе – сократите расход пленки. Вы что ее, едите?

Начальница производства послушно кивала и делала записи в своем толстом ежедневнике. Я тоже сделала в своем блокноте пометки.

– Про недостачу масла мы поговорим потом отдельно, – недобро взглянул Кравцов на руководителей коммерческой службы. Завскладом, толстяк с блестящим, будто намазанным маслом, красным лицом при этих словах зябко поежился.

– Где локоткань для автоматов, оплаченная месяц назад? – обрушился генеральный директор на начальника снабжения.

– Мы скоро привезем, – произнес сонный крупный мужчина с выпученными глазами.

– «Скоро» уже было на прошлой планерке, – напомнил ему Кравцов.

В зал заседаний заглянула обеспокоенная секретарша:

– Извините, Аркадий Никифорович, из цеха мороженого позвонили и сообщили о несчастном случае. Кому-то руку в конвейер затянуло.

– Та-ак, – зловеще протянул Кравцов, – как вы, мать вашу, работаете? Нина Васильевна, идите в цех, разбирайтесь!

Начальница цеха мороженого сорвалась с места как ошпаренная. Окончание планерки из-за несчастного случая получилась скомканным. Кравцов расходился все больше и больше. Он никому не давал вставить слова, чуть что, грозил увольнением.

– Евгения Максимовна, я сейчас в цех мороженого, вы со мной, может быть, это очередная провокация, – сказал мне Кравцов, распустив взгрезых руководителей восвояси.

Глава 4

В цехе мороженого метались женщины-фасовщицы, с белыми лицами. Слышались крики и плач. Кравцов решительно прошел к печам. Я следовала за ним по пятам. У печного конвейера, по которому из печи выезжали поджаристые вафельные стаканчики, стояла кольцом кучка людей. С ленты конвейера на белоснежный кафельный пол капала кровь. По количеству крови я поняла, что у пострадавшего нешуточная травма. Кравцов раздвинул стоявших у конвейера людей и заглянул вовнутрь. Я протиснулась за ним. На полу, прислонившись к стене, сидел седовласый человек. Его кожа была неестественно серого цвета, а взгляд блуждал. Посмотрев на искореженную руку, я констатировала множественные открытые переломы и разрывы мышц.

– Антишоковое ему вкололи? – спросила я, обращаясь к толпившимся вокруг работникам.

– Вам задали вопрос, – рявкнул Кравцов на начальницу цеха мороженого, – что стоите памятником, где аптечка? «Скорую» вызвали?

– У нас нет аптечки, марлей руку перетянули, – запинаясь, пробормотала она, пряча глаза. – Мы заказывали в снабжении...

– Вы у меня за ворота вылетите! – взревел Кравцов. – У вас второй случай за неделю! «Скорую» вызвали?

– Вызвали, но они разве быстро приедут, – сказала начальница цеха со слезами в голосе.

– Вы сказали им, что заплатите за вызов? – не отставал от нее Кравцов. Она молчала, опустив глаза.

– Ни на что не способны! – с негодованием рыкнул Кравцов, набирая номер «Скорой» на своем сотовом.

Я вытасила из толпы молодого долговязого паренька в белом халате с синими нашивками цеха мороженого.

– Как все произошло? Ты видел? – прижала я его к стене вопросами, не давая опомниться.

– Семеныч, он это... полез наверх, сказал, что смазать, и залез рукой под ограничительную планку, – часто моргая, заговорил он. – Потом слышу: бабы кричат, бросился, отключил машину, но ему уже руку намотало.

Я выпустила отворот его халата и отступила. В это время Кравцов распорядился, чтобы пострадавшего погрузили в служебную машину механика и отвезли в больницу.

– Пойдемте, Евгения Максимовна, тут больше делать нечего, – тронул он меня за локоть, – типичная халатность рабочего, или у вас иное мнение?

– Нет, полностью с вами согласна, – кивнула я.

– Да тут половину работников нужно гнать к чертовой матери, – с досадой махнул рукой Кравцов, – сплошные идиоты. И держим ведь! Новых-то хрен найдешь, хотя у нас на комбинате одна из самых высоких средних заработных плат в городе. Текучесть кадров страшная.

Через полчаса мы вновь сидели в кабинете Кравцова. Я разглядывала свой новый, с сырой печатью пропуск, полученный в отделе кадров. Кравцов, сидя в своем кресле, наливал из кувшинчика сливки в свой кофе.

– Вам налить? – поинтересовался он у меня. Я, поблагодарив, отказалась. Он поставил кувшинчик на поднос и взял свою чашку. – Ну как у вас впечатления о «Молочных реках»?

Я ожидала этого вопроса.

– Если говорить об организации охраны объекта, то я бы сказала, что неплохо, – ответила я, посмотрев на него. – Конечно, мне надо самой все проверить.

– Сразу говорите, что для этого надо, – настойчиво предложил Кравцов.

– Отдельное помещение, желательно поближе к вашему кабинету, компьютер, подсоединенный к локальной сети, модем, телефон, чтобы выходить в Интернет, – я методично загибала пальцы, – еще допуск к личным делам работников предприятия.

Не успела я моргнуть глазом, как Кравцов отдал соответствующие распоряжения. Отобравшись от телефона, он спросил, чьи конкретно личные дела мне нужны.

– Пока всего инженерно-технического персонала, так как только они имеют свободный доступ повсеместно и обладают достаточными знаниями о техпроцессе для совершения диверсий.

– Еще это могли сделать охранники, – сказал Кравцов, размышляя.

– Охрану исключаем, – заявила я твердо. – Помните, после диверсии вы приказали уволить весь караул, дежуривший ночью. Однако, несмотря на это, происшествия на комбинате не прекратились. Человек, подстраивающий вам козни, работает на вашем предприятии. Я говорю об этом с абсолютной уверенностью. Кроме того, он должен разбираться в оборудовании, производственных процессах. Вы заметили, что он действует, каждый раз нанося максимальный ущерб? Он знает досконально весь технологический процесс.

– Кто он? – завопил Кравцов, не выдержав.

– Аркадий Никифорович, я же не волшебница и не могу достать преступника из шляпы по вашему желанию, – возмутилась я с улыбкой. – Он здесь, и я его найду. Работает ли он на ваших конкурентов, на кого иного или сам на себя – еще предстоит выяснить, но предупреждаю, это не так быстро сделать.

– Хорошо, – согласно кивнул Кравцов, – действуйте так, как считаете нужным, я на вас полностью полагаюсь.

– Еще одно, мне требуется надежный человек в рабочей среде. – Я взяла со стола чашку с черным кофе и осушила ее залпом.

– Что вы имеете в виду? – не понял Кравцов.

– У вас разве нет среди рабочих платных осведомителей? – удивилась я.

– У меня лично нет, – хмуро ответил Кравцов. – Обратитесь с этим к Поповой. Она скорее всего имеет стукачей, хитрая баба.

Я вспомнила лицо начальницы производства кисломолочных продуктов. Да, такая своего не упустит.

Кравцов посмотрел на часы и предложил пообедать в заводской столовой. По пути мы заглянули в комнату, которую мне отвели для работы. Похоже, что раньше в ней размещался медпункт или что-то вроде того. В кабинете уже стояло все необходимое. Когда мы вошли, программист подключал компьютер.

– Интересующие вас дела заберете из отдела кадров, – сказал мне Кравцов.

– Отлично, – кивнула я и, обращаясь к программисту, смешному кудрявому мальчишке с румянцем на щеках, сказала:

– После обеда мне нужно будет с вами поговорить. Будете здесь?

Программист удивленно воззрился на меня.

– Кудасов, вам понятно? – спросил сурово директор.

– Да, Аркадий Никифорович, – чуть слышно отозвался программист.

Заводская столовая поразила меня разнообразием меню и качеством приготовления пищи. Длилось это одну секунду, так как в следующую я поняла, что повара не идиоты и понимают, в компании кого я нахожусь за столиком.

– Видите, как у нас кормят? – с гордостью спросил Кравцов. – Меню практически ресторанное, цены низкие – тридцать рублей за обед из трех блюд, всегда свежие овощи, фрукты, маринады, как домашние, вермишель и макаронные изделия – исключительно «Макфа», мясо – лучшая вырезка! – Он ткнул вилкой в свою тарелку и, покосившись на технического дирек-

тора, престарелого мордоворота с ежиком седых волос, спросил у того: – Что там с несчастным случаем, Алексей Авенирович?

– Разобрались, можете забыть, – буркнул он, ловко управляясь с макаронами. Довольный Кравцов перевел взгляд на главного бухгалтера, женщину средних лет, сильно смахивающую на украинскую предводительницу оранжевой революции Тимошенко.

– Что, пленку оплатили? – спросил он у нее, поддев на вилку кусочек соленого огурца.

– Оплатили, оплатили, – сказала она, с трудом проглотив морковный салат, и взмолилась: – Аркадий Никифорович, давайте поговорим о делах после обеда, а то я подавлюсь насмерть и вы будете отвечать.

Я ела вермишель и думала, что даже поварам из столовой было не под силу ее испортить. Тетя оказалась права – вкус отличный. Обед закончили в молчании. После обеда я еще раз прошлась по территории, но уже не в сопровождении директора. Он остался в своем кабинете. Я была уверена, что в ближайшие часы с Кравцовым ничего не случится. Если злоумышленники захотят его устранить, то сделают это за территорией комбината. Я также была уверена в том, что вскоре можно ожидать новых актов саботажа, ведь главная цель злоумышленников – банкротство предприятия – еще не достигнута. Кравцов никому не платил отступные, следовательно, они будут продолжать. Во время ознакомительной экскурсии меня сильно заинтересовал цех мороженого. Он приносил предприятию самую большую прибыль, и интуиция подсказывала, что ударят на этом участке или в цехе розлива молока. Я побродила вдоль конвейеров, где женщины в белых халатах и смешных шапочках дергаными движениями с обреченностью на лицах выхватывали с ленты стаканчики с мороженым и упаковывали их в картонные коробки. Зябко пожившись от холода, царящего вокруг, я поднялась по лестнице на второй этаж на площадку обслуживания линий и глянула вниз на цех. Прикинув на глазок расстояние до открытых люков на емкостях, в которые из трубопроводов лилась смесь, превращающаяся впоследствии в пломбир, я подумала: «Далековато, но зашвырнуть в танк какую-нибудь гадость при определенной сноровке можно». Затем я спустилась и перешла в цех приготовления смеси. В лицо ударил жаркий влажный воздух. Большие открытые емкости из нержавеющей стали находились под прицелом двух камер наблюдения. Мешалки лениво вращались в емкостях, вспенивая белую с оттенком бежевого жидкость. Я не спеша прошлась вдоль ряда насосов, опутанных трубопроводами обвязки, разглядывая коммуникации. Рабочие суетились вокруг емкостей, не обращая на меня никакого внимания. Со взглядами, как у зомби, они носили на спинах какие-то мешки, открывали и закрывали задвижки на трубопроводах, включали и выключали насосы. С другого конца цеха ко мне важно подошла Попова – начальник производства кисломолочных продуктов и мороженого.

– Что же вы ходите по производству одна, без сопровождения? – с доброжелательной улыбкой спросила она. – По правилам это запрещено. Одному можно ходить по территории только после аттестации в ОТБ. – Я тепло улыбнулась ей в ответ и показала удостоверение со всеми необходимыми отметками. – Вы ничего не подумайте, я для порядка. – Улыбка Поповой стала шире.

Потом Попова спросила, не нужна ли мне помощь. Я попросила проводить меня в пункт приема молока. Попова ответила, что нет ничего проще. Путь к пункту приема молока лежал через узкий, низкий коридорчик, похожий на лаз. За лазом открылось помещение, почти целиком занятое тремя шестидесятитонными цистернами. Те же насосы и трубы, которые встречались на каждом шагу. Я вскарабкалась по лестнице на цистерну, посмотрела на опломбированные люки. Камера наблюдения была замаскирована над дверями, и все помещение находилось у нее под прицелом, кроме небольшого пространства у стены за емкостями, где лежали трубы, по которым молоко поступало на пастеризацию. В глаза бросились фланцы труб. Мысленно я представила себя на месте злоумышленника. Вот я закрываю лицо от камеры, быстро прохожу за емкости и шприцем через полиэтиленовую вставку ввожу в трубу сильнодействующий

яд, устойчивый к температурному воздействию, например, раствор соли тяжелых металлов. Лабораторный анализ покажет их высокое содержание в молоке, и все – сливай в канализацию. Защититься от такого чрезвычайно сложно. Пока охрана среагирует, перекроет в цехе входы и выходы, пройдет достаточно времени, чтобы злоумышленник вернулся на свое рабочее место.

– Скажите, а сколько у вас в смене человек? Я имею в виду, в этом корпусе, – поинтересовалась я у Поповой.

– Двадцать семь, если не считать меня, начальников цехов мороженого и розлива, механиков и технологов участков, так как после пяти они идут домой, а остаются работники, непосредственно связанные с производством, – ответила она со знанием дела. – Если же брать период смены с восьми до семнадцати, то наберется человек пятьдесят. – Я только присвистнула. Пока допросишь такую ораву народа... Разговаривая о проблемах производства, мы прошли через сепараторную, посетили участок пастеризации молока, и я, посмотрев на часы, побежала в управление.

Кудасов что-то набирал на клавиатуре, сидя на моем будущем рабочем месте. Во взгляде его серых глаз было столько осуждения, что я устыдилась своей забывчивости.

– Я вас жду, жду, – проговорил он уныло. – Все готово. Садитесь рядом, я покажу.

Мне стало интересно, что такого в компьютере может показать этот зеленый юнец, чего я сама не видела. Оказалось, он решил поучить меня, как вводить пароль.

– У нас тут все немного по-другому, – говорил он, водя по коврику мышью. – Видите табличку «политика безопасности»? Надо нажать «ОК», потом пароль. Для вас я выбрал «Сатурн», потом табличка «подключение», опять нажимаете «ОК»...

– Политику безопасности не ты ли разрабатывал? – спросила я у него с улыбкой.

Кудасов деловито поправил очки и серьезно сказал:

– Не я, но при моем участии.

Я сделала большие глаза, будто поражена его способностями, а сама подумала, что у меня не будет проблем при взломе закрытых файлов. Я проверила, подключил ли он мне Интернет, и отослала его. Закрыв на защелку дверь, я прогулялась по локальной сети, бегло просматривая доступную информацию. Потом попробовала на зубок систему безопасности. Как и предполагалось – детский лепет. Через заслоны я прошла без особых помех и вошла в бухгалтерию. Даже поверхностный обзор выявил странности. Сметы на строительство отдельных объектов, которые я сегодня видела собственными глазами, зашкаливали. Банальное укрывательство доходов. Ладно, оставим это на потом. Выключив компьютер, я вышла из комнаты, заперла дверь на ключ и направилась в отдел кадров, где для меня уже приготовили личные дела работников предприятия. Для меня было загадкой, отчего картотека хранилась на предприятии не в электронном виде. Полученные личные дела я складировала в своем рабочем кабинете. Потом я позвонила на сотовый Поповой и спросила, где она находится. Мне с ней надо было поговорить. Попова предложила встретиться в ее кабинете на втором этаже прямо над складом готовой продукции. Я уже неплохо ориентировалась на территории предприятия и без труда нашла нужное мне помещение. Кабинет Поповой был недавно отремонтирован. В двух соседних комнатах с распахнутыми дверями прямо на полу валялись какие-то картонные коробки, остатки стройматериалов, обрезки линолеума. Попова объяснила, что в бытовках ремонт только начался, потому все так захламлено. Я объяснила ей цель визита. Мне нужен был человек в рабочей среде, лояльный начальству и пользующийся доверием у рабочих. Перебрав вслух несколько имен, Попова остановилась на одном.

– Думаю, он подойдет, – сказала она. – Толковый парень. Я пообещала ему, что со временем сделаю его механиком. Если предложить ему помочь нам, то он не откажется. Сейчас он временно переведен слесарем. Начал, понимаете, бузить, когда хотели перевести его аппаратчиком на розлив, но, наверно, сейчас уже жалеет.

– А как в общем настроение в рабочей среде? – поинтересовалась я. – Все ли довольны или есть смутьяны?

– Все довольны, – категорично заявила Попова, машинально перебирая бумаги на столе, – чего им быть недовольными. Средняя зарплата шесть с половиной тысяч. А с недовольными мы разбираемся быстро: не нравится – за дверь.

В дверь осторожно постучались.

– Входите! – громко крикнула Попова. Дверь отворилась, и в кабинет вошел хмурый парень лет двадцати восьми – тридцати в белом халате и шапочке. Правильные черты лица, высокий лоб, пронизательный взгляд зеленовато-голубых глаз свидетельствовали о довольно высоком уровне интеллекта.

– Садитесь, Володя, – указала ему на стул Попова, – есть разговор. – Парень, подозрительно косясь по сторонам, сел. Руки нервно теребили край халата. Попова открыла рот, однако парень внезапно ее перебил:

– К тому, что осело мороженое, я не имею никакого отношения. И не надо все валить на меня. Технологи что-то намудрили. Да я вообще уже слесарь, – начал возмущаться парень.

– Хватит тут, Калмыков! – хлопнула по столу ладонью Попова, срываясь на крик. – Не за этим тебя позвала! – И уже спокойнее: – На предприятии в связи с актами саботажа усиливаются меры безопасности. Евгения Максимовна – консультант по безопасности, – указала она на меня. – Ей надо помочь.

– В чем это? – сузив глаза, спросил парень. – Хотите, чтобы я стучал, что ли?

– Так, ты чего бузишь? – недовольно спросила Попова, подавшись вперед. – Если хочешь стать механиком цеха, ты должен помогать нам.

– Подождите, Ирина Григорьевна, позвольте, я объясню, – подала я голос. Попова замолчала и насупилась, а Калмыков с интересом посмотрел на меня. Я набрала в легкие воздуха и произнесла заранее заготовленную речь.

– На заводе находится человек, посланный предположительно конкурентами. Он своим вредительством хочет добиться банкротства предприятия. Если ему это удастся – вы все очутитесь на улице. Подумайте, сможете вы быстро найти работу, где платили бы столько, сколько здесь? – Но мое проникновенное выступление не проняло Калмыкова. На его губах появилась снисходительная улыбка.

– Лично я целый день не в носу ковыряю. Я свои бабки отработываю сполна. Не думайте, что у нас тут медом намазано и мы в деньгах купаемся, – спокойно сказал он.

– Что-то мне подсказывает, что не быть тебе механиком, – сокрушенно покачала головой Попова.

– Я не отказываюсь помочь, – резко произнес Калмыков, – я хочу сказать, что за свою зарплату мы все вкалываем, как бобики. Оборудование разваливается. В неделю по два несчастных случая. Думаете, сюда кого-нибудь надо засылать, чтобы производство остановилось?

– Ой, ты договоришься, чую, договоришься! – воскликнула Попова с недобрым весельем.

– Факты саботажа доказаны, – произнесла я твердо. – Чтобы не случилось новых, нам нужна, Калмыков, ваша помощь.

– Да я всегда готов помочь, – усмехнулся Калмыков, развалившись на стуле, – что я должен делать?

– Первое – молчать о нашем разговоре, – сказала я, глядя в его насмешливые глаза. – Второе – выявить места на производстве, где легче всего устроить подлянку, рассказать о них мне и приглядывать за ними. И еще, присмотритесь к своим товарищам. Может, кто-то что-то знает или догадывается. Вызовите его на откровенный разговор, пусть поделится своими подозрениями. Каждая мелочь может оказаться важной. Сможете?

Калмыков сделал непроницаемое лицо и спросил:

– А что мне за это будет?

Я посмотрела на Попову. Обещать блага подчиненным – это уже ее прямая обязанность. Поняв мой взгляд, она деликатно кашлянула и сказала:

– Володя, если с твоей помощью удастся поймать этого негодяя, считай, что ты уже механик мороженого. Мы уже давно искали смышленного парня на эту должность.

– Прямо сразу стану механиком? – уточнил Калмыков.

– Прямо сразу, – подтвердила Попова с честным видом, – а пока с тебя снимут материальное взыскание за пломбир.

– Что?! – завопил он. – Какое взыскание?

– Такое, – жестко ответила Попова. – Что, я из своего кармана должна выплачивать за брак? У каждого из той смены с зарплаты сняли по полторы тысячи. С тебя я снимать не буду.

– Ну, спасибо, – пробормотал Калмыков, поджав губы.

– Чем-то не довольны, господин Калмыков? – по-отечески спросила Попова.

– Нет, я всем доволен, – фальшиво улыбнулся он ей и, повернувшись ко мне, спросил: – Ну, с чего начнем?

– А вы как считаете? – ответила я вопросом на вопрос.

Поразмыслив, Калмыков предложил мне посмотреть места на производстве, которые, по его мнению, могут привлечь диверсанта. Оказалось, что наши мысли совпадают. Калмыков провел меня там же, где я побывала утром, и показал те же места, которые я заметила сама. Какой-то истощенный субъект с тусклым взором сурово приступил к Калмыкову и попросил ответить, почему тот болтается без дела.

– Приказ Поповой – сопровождать консультанта, – отшил он истощенного. Бормоча себе под нос ругательства, тот отошел. – Васильич, механик мороженого, мой начальник, – отрекомендовал его Калмыков.

– Вижу, он постоянно недоволен чем-то, – поглядела я вслед истощенному.

– Да говнистый больно, – махнул рукой Калмыков.

Посмотрев на камеру, замаскированную под листами рифленки в трубе у выхода на второй этаж, я спросила у него:

– Ты ведь знаешь, где стоят камеры наблюдения?

– Ясен пень, знаю, – ухмыльнулся Калмыков, – не дауны же здесь работают. Да многие знают, не я один. Конечно, я знаю не про все камеры, специально их не искал, но что нашел, то нашел случайно. Про некоторые мужики подсказали.

Он указал на трубу.

– Вон там одна стоит. На участке розлива две – одна над входом, другая сбоку в вентиляции, на складе две. – В общем, знал он про все камеры и по неведению считал, что есть еще. Другими словами, работники комбината были хорошо осведомлены, что за ними пристально наблюдает начальство через так называемые скрытые камеры. Для них не было тайной их местоположение. Я это предвидела. Кравцов же питал иллюзии, что он такой умный, а работники дураки, не видят дальше своего носа. Оставив Калмыкову номер своего телефона, я вернулась к себе в кабинет.

Личные дела инженерно-технического персонала громоздились на столе устрашающей горой. С тяжелым вздохом я опустила в кресло и взялась за верхнюю карточку. «Кравцов Аркадий Никифорович – генеральный директор» – значилось в заголовке. Знаю такого, непричастен. С улыбкой я отложила карточку на другую сторону стола. Начало положено. В руках у меня оказалась следующая карточка «Геворкян Павел Аронович – финансовый директор». Странно, почему они не убрали карточку покойного в архив? Я пробежала глазами скупые сведения, внесенные в нее, сделала пометку в блокноте, что финдиректор до «Молочных рек» работал в ЗАО «Термопласт ЭКСТРО» в той же должности. На другой стороне стола появилась вторая карточка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.